

Рецензия на книгу Санкт-Петербургский мартиролог: К 100-летию начала гонений на верующих в Бога в России

Отв. ред. проф., прот. Владимир Сорокин.

СПб. : Князь-Владимирский собор, 2017. 595 с.: ил. (фот.)

«Санкт-Петербургский мартиролог» и «Синодик гонимых, умученных, в узах невинно пострадавших православных священно-, церковнослужителей, монашествующих и мирян Северо-Запада России» — два масштабных проекта, подготовленных к 100-летию революции 1917 г. Комиссией по канонизации Санкт-Петербургской епархии. Ответственный редактор издания — председатель комиссии, настоятель Князь-Владимирского собора Санкт-Петербургской епархии, проф.-прот. Владимир Сорокин.

Издания отличаются друг от друга составом поименованных лиц: Синодик содержит имена только православных верующих, пострадавших в годы советских репрессий; Мартиролог включает, кроме православных, имена христиан других конфессий, а также приверженцев нехристианских религий (мусульман, иудеев, буддистов). Отметим, что тема единства верующих и, в первую очередь, христиан перед лицом гонений в Мартирологе присутствует не только на уровне списков и статистики. В одной из вступительных статей составители цитируют слова исповедника веры свящ. Ливерия Воронова: «...настоящий экуменизм был в лагере, где сидели все в одинаковых условиях и где только вера в Бога объединяла представителей разных конфессий» (с. 21).

Мартиролог и Синодик являются плодами многолетней работы комиссии по канонизации и многих петербургских историков: А.Я. Разумова, М.В. Шкаровского, А.А. Бовкало, А.К. Галкина и др. Первое издание Синодика увидело свет в 1999 г. и включало в себя 3000 имен. В настоящий момент в Синодик собраны сведе-

ния о 5644 православных христианах; в Мартиролог — о 6655 верующих различных религий.

Одним из важных источников Синодика и Мартиролога его редакторы считают Алфавитный список клира Ленинградской области на 1 мая 1937 г., составленный митрополитом Ленинградским Алексием (Симанским). В 2014 г. этот список был издан отдельной книгой. Список, составленный перед самым началом Большого террора, включал клир 6 епархий: Ленинградской, Псковской, Новгородской, Боровичской, Череповецкой, а также Олонецкой, оказавшихся под окормлением Ленинградского митрополита. Во второй половине 1937-го, в 1938-м и 1939 гг., митрополит вносил в «Список» пометки карандашом или чернилами: «Выбыл», «Выбыл 37». Этот список, дающий представление о масштабах потерь, понесенных в 30-е гг. духовенством Северо-Запада, задает территориальные границы изданий, предпринятых в 2017 г.: они включают сведения по Санкт-Петербургской, Новгородской, Псковской, Вологодской, Карельской митрополиям.

Временные границы Синодика и Мартиролога: 1917–1960-е годы. Точкой отсчета в поминальном списке становится имя прот. Иоанна Кочурова, убитого в Царском Селе 31 октября (13 ноября) 1917 г. Книги включают имена верующих людей, пострадавших в годы Красного и Большого террора, в 20-е и 30-е гг., но также и в послевоенное время. Благодаря расширению нижней временной границы в Мартиролог было включено имя убиенного прот. Павла Адельгейма.

В список имен пострадавших включены не только священнослужители, но и миряне, причем особо указаны члены православных братств, что, видимо, обусловлено тем, что эта информация фигурирует в их следственных делах. В помяннике упоминаются более 15 братств, названия которых не фигурируют в работах В. В. Антонова и М. В. Шкаровского, например, Братство Феофана Затворника, Братство ревнителей православия, Братство во имя Покрова Пресвятой Богородицы в Гатчине. К сожалению, не указана принадлежность к Александро-Невскому братству такой прославленной святой, как Екатерина Арская. Информация об участии священнослужителей и мирян в братствах — объединениях верующих, получивших широкое распространение после 1918 г. — принципиально важна в общей картине противостояния церкви и советского государства, так как именно братства в послереволюционные годы собрали наиболее ответственную

и жертвенную часть православных верующих и первыми оказались под ударом безбожной власти.

Синодик и Мартиролог на «равных правах» включают имена людей, принадлежавших к иосифлянскому движению и уклонившихся в обновленчество. Так, в биографической справке на архиеп. Димитрия (Любимова) указано: «26 декабря 1927 отделился от митрополита Сергия (Страгородского)» (с. 265), а на прот. Александра Боярского: «Уклонился в обновленчество» (с. 115). Составители помянников избегают оценочных определений типа «раскол», полагая, что сложные церковные процессы XX в. еще требуют вдумчивого исследования, и подчеркивая, что все пострадавшие равно заслуживают церковного поминовения.

Составители Мартиролога верно осознают главную проблему этого и подобного рода изданий, ставящих целью выявление пострадавших верующих. Людей, имена которых помещены в книге, редко преследовали собственно за религиозные убеждения. Они проходили по политическим, уголовным, административным статьям. Следственные дела не дают оснований утверждать, что человека репрессировали именно за веру в Бога, и имена многих исповедников и мучеников могут быть до сих пор не выявлены. Нам не известно, стали ли религиозные убеждения человека причиной доноса на него или основанием, по которому человек не принимал советскую власть. В разделе «Статистические сведения» составители помещают информацию о количестве человек, репрессированных по делам, имевшим специфическую религиозную окраску. Так, более ста человек проходили по делу «Об изъятии церковных ценностей» (126), по «церковному делу» — 421, по делу Истинно-православной церкви — 127, по делу «евлогийцев» — 181, и т. д. Соответственно, в список репрессированных попадают в первую очередь люди, проходившие по «церковным делам», священно- и церковнослужители и их дети, члены религиозных объединений (монашеских общин, братств, кружков). Однако в Мартиролог включены и имена людей, подобных Александру Васильевичу Королеву (с. 234), историку и географу, обвиненному в принадлежности к «антисоветской организации эссеро-меньшевистско-кадетского блока» и прямого отношения к церковной деятельности не имевшего. Известно, однако, что в 1911 г. он привлекался к работе по описанию архива Александроневской Лавры, а после революции помогал митр. Григорию (Чукову). Вопрос о критериях включения людей в список пострадавших верующих остается, нам кажется, не вполне проясненным.

Другая грань той же проблемы — характер репрессивного воздействия, которому подвергся человек. В Мартирологе 2236 (в Синодике — 1921) имен верующих, которые были расстреляны и убиты. Остальные находились в тюрьме, концентрационных и исправительно-трудовых лагерях, были сосланы, лишены избирательных прав, т. е. подверглись прямому физическому, а не только моральному воздействию со стороны советской власти. Однако в список пострадавших включены также люди, вынужденные «служить ради заработка» не по своей прямой специальности, подвергавшиеся травле в советской печати. Таков, в частности, специалист по древнерусской музыке и палеографии Максим Викторович Бражников (с. 115). Закономерно возникает вопрос, почему не упоминается в том же списке, например, имя известной пианистки, активной участницы кружка «Воскресенье» и других религиозных собраний 1920-х гг. Марии Вениаминовны Юдиной? Вероятно, выявление имен всех так или иначе пострадавших в советские годы верующих — дело не только официальных изданий, но и живой церковной памяти. В ныне существующих приходах, общинах и братствах должны быть свои помянники, включающие имена их церковных предшественников, в том числе и «приходских бабушек», которые, хотя и не попали в официальные документы, сохранили веру и сберегли храмы.

Мартиролог и Синодик представляют собой попытку сочетать издания разных типов. Названия говорят, в первую очередь, о церковном назначении этих книг, включающих в себя максимально обширный на настоящий момент список верующих, пострадавших в годы советских гонений. Синодик в виде богослужебной книги размером 470×330 см помещен на аналое в Князь-Владимирском соборе Петербурга; Мартиролог передан для церковного поминовения в храмы других конфессий.

Церковный характер издания подчеркивается, в частности, разделением списка пострадавших на две части: «Жития святых новомучеников и исповедников Церкви Русской» и «Священноцерковнослужители и миряне Русской православной церкви, пострадавшие в годы гонений на веру Христову». Краткие биографические справки первого и второго разделов по форме мало отличаются друг от друга, однако в первом разделе жизнеописания сопровождаются иконами, во втором — фотографиями. К сожалению, в ряде случаев иконы теряют личностные черты, становятся абстрактными образами, что не оправдано для мучеников XX в., отделенных от нас минимальной временной дистанцией.

Тропари, кондаки, молитвы, репродукции икон соборов новомучеников разных епархий (к сожалению, в ряде случаев не позволяющие разобрать лики и надписи), цитаты из Священного писания (данные славянским шрифтом), высказывания святых разных веков подчеркивают, что Синодик и Мартиролог нужны, чтобы помочь церкви, современным верующим хранить память о тех, кто не отступил от веры в годы трагических испытаний и агрессивного безбожия.

Безусловно, рецензируемые издания подготовлены с учетом требований исторической науки. Они стремятся к максимальной полноте охвата исследуемого материала, предполагают обязательные ссылки на источники, в первую очередь архивные. Большой интерес представляют таблицы, сводящие воедино данные по числу пострадавших различных конфессий, показывающие зависимость репрессий от различных видов церковного служения, демонстрирующие хронологию репрессий по годам с 1917-го по 1961 г. Составители посчитали необходимым поместить в книги несколько документов: приговор по делу митр. Вениамина (Казанского) и обвинительное заключение по следственному делу № 108 1929 г. (об организации «Воскресенье»), что, безусловно, увеличивает историческую достоверность изданий. Биографические справки о людях включают не только их формулярные списки, но и краткие фрагменты мемуаров, личных свидетельств, что помогает читателям воскресить живой образ человека, хотя и вызывает подчас вопросы о степени его объективности.

Составителям Синодика и Мартиролога было важно, чтобы подготовленные ими издания нашли широкого читателя. Отсюда забота о внешнем виде, наличие большого числа иллюстраций, цветных фотографий памятных мест и отдельных памятников, посвященных пострадавшим за веру христианам, мусульманам, буддистам и т. д. Однако смешение жанров приводит, например, к тому, что цитаты из высказываний руководителей государства на тему репрессий оказываются между цитатами из *Слов* церковных иерархов.

Наконец, важно отметить, что рецензируемые издания увидели свет в 2017 г., в контексте полемики о причинах и итогах революции 1917 г. и оказались включены в эту полемику. Председатель Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ Московского патриархата Владимир Легойда назвал символическим подведением итогов столетия слова Натальи Дмитриевны Солженицыной, выбитые на памятнике «Стена

скорби» в Москве: «Знать, помнить, осудить. И только потом простить». Составители Синодика противопоставили этим словам свою триаду, которая, по их мнению, может прояснить позицию церкви по отношению к трагической истории XX в.: «Простить, помнить, молиться». В своем предисловии прот. Владимир Сорокин подчеркивает, что «одним из способов свидетельства истины Христовой в безбожном обществе в то время были попытки диалога, не противостояние, а поиск выхода из нравственного и духовного тупика» (с. 20). Вступая в сферу актуальной полемики, составители этих драгоценных помянников вольно или невольно ставят нас перед сложнейшими вопросами: кто имеет право прощать страшные преступления XX века? Какие пути противостояния злу допустимы и недопустимы для церковного человека? Какой сегодня должна быть церковь, чтобы иметь силы молиться не только за жертв, но и за палачей?

Безусловно, поиск ответов на эти вопросы — задача всей церкви. Решению этой задачи может способствовать появление во всех епархиях Русской православной церкви подобных Синодиков и Мартирологов и, конечно, постоянное молитвенное поминовение погибших и пострадавших в годы советской власти как в храмах Русской православной церкви, так и, например, в рамках акций «Молитва памяти» и «Хотелось бы всех поименно назвать...».

*Ю. В. Балакшина,
д-р филол. наук*